УДК 39

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ СИБИРИ РОССИЙСКИМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ УЧЕНЫМИ

И.В. Лоткин

Государственный университет путей сообщения. г. Омск
E-mail: lotkin1917@rambler.ru

Рассмотрены проблемы изучения прибалтийской диаспоры Сибири (латышей и эстонцев) отечественными и зарубежными учеными во второй половине XIX – начале XXI вв. Подчеркивается, что в последние десятилетия появились работы историков, этнографов, лингвистов по проблемам истории (в том числе новейшей), хозяйства, традиционной культуры, религии, языковых взаимосвязей и современных этнических процессов у переселенцев из Прибалтики в Сибири.

Значительный объем в этнографической науке занимают исследования, посвященные малым этнографическим и этническим группам. Актуальность подобных работ обусловлена современными этническими процессами (этническая консолидация, интеграция, ассимиляция и т.п.), происходящими в мире и на территории нашей страны и этнической историей данных групп.

К числу малоизученных этнических групп относятся латыши и эстонцы, проживающие (или проживавшие) в Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областях и в Алтайском и Красноярском краях. По итогам переписи населения 1989 г., численность всех выходцев из Прибалтики составляет около 30 тыс. чел., большая часть которых проживает в сельских районах. Именно латышское и эстонское и население, проживающее в данный момент в Сибири, или проживавшее там в определенные периоды XIX–XX вв. и будет являться объектом нашего исследования.

В историко-этнографической литературе проблемы истории и этнического развития различных групп латышей и эстонцев, живущих за пределами основной территории расселения своих этносов, получили определенное освещение.

О лютеранских колониях на Оми и в Минусинской котловине в 1860–1890 гг. писали В. Гаупт [1, 2], Н.М. Ядринцев [3], Н. Лассман [4], появились публикации в периодической печати [5, 6].

Сведения о прибалтийских поселенцах, содержащиеся в этих работах, носят крайне противоречивый характер. Так, по мнению Н. Лассмана и Н.М. Ядринцева, прибалтийские колонисты питали отвращение к честному труду. Идеолог сибирского областничества Н. Ядринцев назвал лютеранские колонии на Оми «пандемониумом несчастий и преступлений». Приводимые им сведения о быте латышских и эстонских колонистов зачастую носят неправдоподобный, а иногда и гротескный характер. Например, он обвинил латышей в ограблении омского почтамта в 1877 г. Безусловно, Н. Ядринцев выражал интересы зажиточного сибирского крестьянства, которое со страхом и ненавистью относилось к «инородцам без креста». Однако нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что жители лютеранских колоний были административными ссыльными, и среди них действительно было немало лиц, склонных к правонарушениям.

Газета «Народное богатство» наоборот писала, что эстонские колонисты в деревне Ревель трудились охотно и прилежно. Вероятно, автор заметки имел в виду все-таки не ссыльных, переселившихся в Омскую колонию из д. Рыжково, а сосланных в Сибирь участников восстания в Махтра в 1858 г., которые, в отличие от административных ссыльных действительно отличались трудолюбием.

Основным недостатком вышеупомянутых публикаций является то, что они носят отрывочный и чисто описательный характер.

На рубеже XIX–XX вв. в связи с ростом добровольного переселения жителей Прибалтики во внутренние районы России в Прибалтийском крае усилился интерес к своим соотечественникам, покинувшим родину. В 1900 г. в г. Тарту вышла работа кистера Й. Меомуттеля [7], где он попытался обобщить сведения об эстонских колониях в России, а также о состоянии школьного и религиозного воспитания в этих колониях. Всего в труде Й. Меомуттеля упомянуто 125 эстонских поселений в России. Что касается Западной Сибири, то кроме старых лютеранских колоний автор упоминает о деревнях Орава и Золотая Нива, основанных добровольными переселенцами.

Интерес представляют также работы известного дореволюционного исследователя переселенческих проблем А.А. Кауфмана, который отмечал, что выходцы из Балтии в Сибири заселяли 35,9 % лесных, 35,1 % степных и 29,0 % лесостепных участков. «В среде переселенцев – писал он, – действительно, встречаются такие, которые ведут образцовое, даже и не только для своего района, хозяйство. В глухом тарском урмане мне пришлось попасть в только что за год пред тем возникшие латышские поселки: за один год латыши расчистили из под глухого леса широкие квадраты пахотных полей – и не только расчистили, но сняли покрывавший почву густой войлок мертвой травы и мха, который, перепрев, должен был пойти на удобрение почвы. ... На усадьбах, кроме чистых и просторных жилых домов, у некоторых были готовы теплые хлева и сеновалы, словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского

помещика, раздавшего землю под хутора эстонцам и латышам» [8. С. 242, 382].

В 1918 г. в г. Тарту вышла монография пастора А. Ниголя, где автор дал характеристику всем эстонским колониям в России. В его работе упомянуты 347 эстонских поселений, и в отличие от своих предшественников он также перечисляет города, где осели переселенцы из Эстонии [9].

Вместе с тем в монографии А. Ниголя допущено немало фактических ошибок при указании местоположения эстонских поселений и дат их основания. Так, по его данным, колония Рыжково была основана в 1843 г., тогда как большинство авторов считает, что это поселение возникло в первом десятилетии XIX в., а село Поливановка, расположенное на территории нынешнего Азовского района Омской области, по мнению А. Ниголя, находилось к западу от Омска [9. Lk. 40, 43]. В монографии также приводятся интересные сведения о природных и климатических особенностях регионов, в которых оказались выходцы из Эстонии, о хозяйственных занятиях и культурной жизни переселенцев. Основной вывод А. Ниголя, который впоследствии повторили большинство эстонских исследователей, заключается в том, что сохранение традиционной культуры той или иной этнической группы определяется ее величиной, географической компактностью и изолированностью от других групп.

Монография А. Ниголя (выпущенная в 1918 г. она, тем не менее, базировалась на материалах, собранных до революции) таким образом венчает дореволюционный период исследования прибалтийских колоний в Сибири. Несмотря на определенную отрывочность исследования этого периода в целом позволяют проследить общую картину переселения латышей и эстонцев в Сибирь.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в СССР издаются несколько работ прибалтийских авторов по проблемам этнической истории латышей и эстонцев в России. К ним, в первую очередь, относятся две монографии К. Шкилтера, посвященные истории формирования латышских колоний в России, а также участию латышских поселенцев в гражданской войне [10-11].

Особый интерес представляет работа «Latkoloniju vēsture» («История латышских колоний»), где приводится список всех латышских и латгальских поселений в Сибири и существовавших в них культурно-просветительных учреждений [10. 133.–137. l pp.].

Изучением экономики, быта и культуры эстонцев в СССР занималось созданное в 1925 г. Эстонское научное общество. Председателем правления этого общества был избран Я. Анвельт. На заседании 10 января 1932 г. аспирант Э. Паклар представил рукопись монографии «Поселения эстонцев в СССР». Впоследствии Э. Паклар продолжал работать над этой темой, однако в конце 1930-х гг. он и его научный руководитель, профессор Х. Пегельман были репрессированы. Рукопись и архив автора до сих пор не обнаружены. Из исследований Э. Паклара опубликованы только сведения о численности эстонских поселений (498) и крестьянских хозяйств (22265) накануне коллективизации [12. С.5].

Интерес к своим соотечественникам, живущим в Сибири, проявили также историки Латвийской республики. Результаты их исследований по этому вопросу были опубликованы в многотомном издании «Latviešu konversācijas vardnīca» в 1933 и 1939 гг. [13, 14]. В данных статьях приведены подробные сведения по расселению и численности латышей в различных регионах России, в том числе и в Сибири, при этом в статье «Kolonijas latviešu» («Латышские колонии») приведен полный перечень латышских поселений Российской империи за пределами Латвии, что делает данную статью ценным историческим источником, не утратившим своей актуальности и по сей день.

В конце 1930-х гг. по Сибири прокатилась волна репрессий, были закрыты латышские и эстонские школы, ликвидированы газеты и журналы, и следующие публикации о сибирских латышах и эстонцах появились только четверть века спустя.

В 1964 г. в газете «Омская правда» была напечатана статья А.Д. Колесникова «Как тебя звать, деревня?», где упоминается о прибалтийских поселениях в Омской области, а в 1966 г. появилась его статья «О национальном составе населения Омской области» [15, 16]. По мнению А.Д. Колесникова, с которым не согласны большинство исследователей, первыми прибалтийскими поселенцами в Сибири были не латыши, а эстонцы.

В 1967 г. появилось несколько публикаций, посвященных сибирским латышам и эстонцам. О культурном подъеме в сибирской деревне в 1920–1930-х гг. рассказывает статья В. Грюнберга «Об одной сибирской эстонской газете», опубликованной в журнале «Коммунист Эстонии» [17]. Автор анализирует структуру и содержание газеты «Siberi tööline» и ее роль в хозяйственном и культурном просвещении эстонских колонистов.

Период НЭПа в прибалтийской сибирской деревне исследовал Л.В. Малиновский в работе «Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.)» [18]. По его мнению, к моменту коллективизации у сибирских латышей и эстонцев сложилось развитое хуторское хозяйство капиталистического типа [18. С. 212].

Особое значение имеет кандидатская диссертация Дз. Виксны «Латышская советская культура в Советском Союзе в 20-30-х годах» [19]. Правда, материалы о культуре сибирских латышей, представленные в этой работе, немногочисленны и отрывочны, но зато даются исчерпывающие сведения о строении и функционировании латышских культурно – просветительных организаций в СССР в 1920–1930-х гг. Серьезное внимание в этой работе уделено распространению латышско-русского двуязычия в этот период. Так, по данным Дз. Виксны, в 1927 г. в школах с полным или частичным преподаванием всех предметов на латышском язы-

ке учились 35,1 % всех латышских детей школьного возраста, 61,8 % – на русском, а 3,1 % – на местных языках [19. С. 15]. Наверное, впервые в советской исторической литературе автор упоминает об уничтожении значительной части латышских культурных кадров в конце 1930-х годов в результате сталинских репрессий [19. С. 24].

В 1977 г. вышла в свет монография В. Маамяги «Эстонские поселения в СССР (1917–1940 гг.)», где значительное место уделено хозяйственному, партийному и культурному строительству в сибирской эстонской деревне. На эстонском языке эта монография вышла в 1980 г. под названием «Строя новую жизнь. Эстонское национальное меньшинство в Советском Союзе (1917–1940) [20, 21]. В 1990 г. автор выпустил второе издание своего труда, куда включил также материалы по традиционной культуре эстонских поселенцев в СССР и сталинским репрессиям конца 1930-х гг. [12].

В первой половине 1980-х годов ученые Латвии уделяли немало внимания переселенческому движению в Латвии, в том числе и в Сибирь [22, 23], а также процессам, происходившим в латышских колониях в России в годы НЭПа [24]. В частности, Я. Беберс в своей статье указывает на высокую степень социального расслоения латышской деревни 1920-х гг., полемизируя с идеологами латышского кулачества, говоривших о «братском единстве» всех латышей.

Исследование сибирских эстонцев во второй половине 1980-х гг. неразрывно связано с работами таллиннского лингвиста Ю. Вийкберга [25–30]. На огромном фактическом материале он исследовал языковые контакты сибирских эстонцев с русскими, финнами и другими народами и этническими группами, а также выявил факторы, способствовавшие сохранению или утрате ими национального языка. Можно согласиться с Ю. Вийкбергом в том, что лексическое вторжение русских слов и выражений в эстонский язык буквально во всех сферах общественной жизни было следствием эстонско-русских культурных контактов, особенно расширившихся после коллективизации в сибирской эстонской деревне. Впоследствии лексические заимствования привели к фонетическим и синтаксическим изменениям в эстонском языке.

В 1992 г. выпускник географического факультета Тартуского университета Х. Кулу опубликовал свою дипломную работу «Eestlased maailmas. Üevaade arvukusest ja paiknemisest» («Эстонцы в мире. Обзор численности и расселения»), в которой представил скурпулезный этнодемографический анализ состояния эстонских эмигрантов в России, Швеции, США, Канаде, Австралии и других странах [31]. При этом автор не ограничился исследованием динамики этнодемографических процессов, а в разделе «Mis saab edasi?» («Что дальше?») попытался дать прогноз дальнейшего развития национальных групп эстонцев за пределами этнической родины. По мнению Х. Кулу, в ближайшем будущем быстрыми темпами пойдет процесс утраты национального языка, на котором будут говорить лишь представители старшего поколения, и последующей за этим этнической ассимиляции эстонцев за рубежом. Основными причинами этого процесса являются не только давление иноэтничного окружения, но и переселение эстонской молодежи в город, где ассимиляционные процессы идут быстрее [31. Lk.142].

1994 г. был ознаменован прорывом в изучении балтийских национальных групп Сибири. В этом году новосибирский исследователь М.Н. Колоткин, ранее изучавший деятельность эстонских и латышских секций партии большевиков в Сибири в 1920–1930-х годах выпустил две монографии [32, 33]. Особенно интересна работа автора «Балтийская диаспора в Сибири: Опыт исторического анализа 20–30-х годов», в которой М.Н. Колоткин, используя материалы государственных и партийных архивов Сибири, а также русскоязычную прессу рассматриваемого периода, проанализировал политическое, экономическое и культурное развитие балтийских колоний в Сибири вплоть до конца 1930-х годов.

Исследованием современных этнических процессов у сибирских латышей и эстонцев, начиная со второй половины 1980-х годов, занимался омский этнограф И.В. Лоткин. В 1996 г. он выпустил монографию «Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири» [34]. На материале, собранном среди данных национальных групп в Омской, Томской, Новосибирской и Кемеровской областях, были выявлены изменения в этническом самосознании, языке, а также материальной и духовной культуре сибирских латышей и эстонцев.

В том же 1996 г. в Институте этнологии и антропологии РАН вышла работа О.В. Курило «Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.)» [35]. Большая часть этой работы посвящена истории немецких лютеранских колоний, но в нескольких главах автор монографии описывает финские, шведские, ингерманландские, а также латышские и эстонские колонии. Опираясь на широкий круг источников (в основном на русском и немецком языках) О.В. Курило очень подробно анализирует историю лютеранских общин в России. Однако серьезным недостатком данной монографии, на наш взгляд, является гипертрофированное преувеличение религиозного фактора в жизни прибалтийских колонистов.

В 2001 г. была опубликована работа новосибирского исследователя А.Ю. Майничевой «Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения» [36]. Полевые работы автора позволяют в какой-то мере восполнить имеющийся пробел и проследить особенности культуры жизнеобеспечения эстонцев в Сибири на примере формирования поселений и домостроения. (Работа была выполнена с использованием материалов Западносибирского этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН 1998–1999 гг. Впоследствии автор данной статьи опубликовала еще несколько работ,

посвященных изучению системы жизнеобеспечения малых этнических групп Западной Сибири, включая переселенцев из Прибалтики [37, 38].

Самым важным событием 2002 г. в изучении традиционной культуры сибирских латышей стала защита в г. Новосибирске кандидатской диссертации омского этнографа А.Б. Свитнева «Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX–XX в.)» [39]. Она подвела итог многолетних работ автора по исследованию жилища сибирских латышей.

В ходе исследований А.Б. Свитнева было установлено, что к началу XX в. в Западно-Сибирском регионе у латышей и латгальцев сложилось четыре основных типа планировки усадеб: 1) замкнутая прямоугольная усадьба со службами расположенными по периметру двора (П-образная); 2) Г-образная; 3) трехрядная; 4) свободная застройка двора. В своей вариативности они представляли сооружения: а) с крытым двором, б) с открытым двором. При исследовании звеньев, образующих застройку двора, установлено, что до сегодняшнего дня латышский и латгальский дворы делятся на «чистый двор» (*seta, sete*) и «хозяйственный двор» (*lopa laiders*) [39. С.156].

В 2004 г. в г. Новосибирске была защищена докторская диссертация Д.Г. Коровушкина «Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.)», где автор на большом фактическом материале исследовал основные закономерности этноязыковых и этнокультурных процессов у малых этнических групп Западной Сибири (немцев, чувашей, латышей и эстонцев) [40]. Характерно, что несколько работ соискатель ученой степени написал в соавторстве с И.В. Лоткиным и Т.Б. Смирновой [41–44].

Интересные исследования в 1990-х гг. проводили и эстонские ученые. В 1997 г. в Эстонском литературном музее (г. Тарту) была проведена международная научно-практическая конференция «Эстонцы на чужбине (Царство Русское)», где многие доклады были посвящены проблемам традиционной культуры сибирских эстонцев. В середине 1990-х годов сотрудники этого музея А. Корб и А. Юргенсон написали ряд работ, посвященных традиционной культуре и фольклору сибирских эстонцев, а в 1997 г. вышла монография Х. Кулу о возвращении эстонцев из Западной Сибири на этническую родину в 1940–1989 гг. [45-50].

Таким образом, в исследовании прибалтийских национальных групп Западной Сибири можно условно выделить *три этапа*.

1. Середина 1870-х – 1918 г. – отрывочные сведения русских и прибалтийских ученых, а также периодических изданий по численности, расселению, хозяйству и быту данных этнических групп.
2. 1918 – конец 1930-х гг. – появление статей и монографий по этнической истории выходцев из Прибалтики в Сибири.
3. Середина 1960-х – начало XXI в. – работы историков, этнографов, лингвистов по проблемам истории (в том числе новейшей), хозяйства, традиционной культуры, религии, языковых взаимосвязей и современных этнических процессов у латышей и эстонцев Сибири.

В результате этих исследований к началу XXI в. сравнительно неплохо изучена этническая история данных национальных групп (особенно вопросы расселения и численности), языковые контакты сибирских эстонцев, но очень слабо исследована еще традиционная культура выходцев из Прибалтики и практически не рассматривались проблемы социально-культурной адаптации балтийских переселенцев в Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаупт В. Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа // Русское географическое общество. Записки Сибирского отдела. – Иркутск, 1864. – № 7. – С. 16–31.
2. Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850–1865 гг. // Вторая памятная книга Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. – СПб., 1865. – С. 58–78.
3. Ядринцев Н.М. Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. – 1878. – № 3.
4. Лассман Н. Минусинский округ – сибирская Италия // Прибалтийский листок. – 1895. – № 1.
5. Народное богатство. – 1863. – № 269.
6. Сибирские ведомости. – 1863. – № 187.
7. Meomuttel J. Eesti asunikud laialises Vene riigis. Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. – Jurjevis (Tartus): «Postimehe» trükikoda, 1900. – 61 lk.
8. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – 349 с.
9. Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. – Tartus: «Postimehe» trükk, 1918. – 92 lk.
10. Šķilters K. Latkoloniju vēsture. – M.: Prometejs, 1928. – 144.lpp.
11. Šķilters K. Pilsoņu karš un latvju kolonisti 1917.–1921.gg. – Minska: SPPS tautas centrālā izdevniecība, 1931. – 67.lpp.
12. Маамяги В. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. – М.: Наука, 1990. – 200 с.
13. Kolonijas latviešu // Latviešu konversācijas vardnica. – R.: Gulbja apgadība, 1933. – 9.sēj. 17113.– 17142. sl.
14. Rižkova // Latviešu konversācijas vardnīca. – R.: Gulbja apgadība, 1938.–1939. – 18.sēj. 36375.–36376. sl.
15. Колесников А.Д. Как тебя звать, деревня? // Омская правда. – 1964. – 28 января.
16. Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966. – Вып. II. – С. 88–104.
17. Грюнберг В. Об одной сибирской эстонской газете // Коммунист Эстонии. – 1967. – № 4. – С. 44–51.
18. Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1967. – Вып. 3. – С. 202–213.
19. Виксна Д. Латышская советская культура в Советском Союзе в 20–30-х годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Рига, 1967. – 26 с.
20. Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). – Таллин: Ээсти раамат, 1977. – 235 с.

21. Maamägi V. Uut elu ehitamas. Eesti vähemusrahvus NSV Liidus (1917–1940). – Tallinn: Eesti raamat, 1980. – 183 lk.
22. Муравская Е.И. Прибалтийские крестьяне-рыбаки в переселенческом движении на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы аграрной истории Латвии. – Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1984. – С. 55–78.
23. Муравская Е.И. Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. – Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1986. – 115 с.
24. Беберс Я. Расслоение латышского крестьянства накануне коллективизации (1925–1928 гг.) // Вопросы аграрной истории Прибалтики. – Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1982. – С. 174–181.
25. Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты.): Препринт ИЯО-41. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук. – Таллин, 1986. – 32 с.
26. Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, развитие, контакты): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Тарту, 1989. – 20 с.
27. Вийкберг Ю., Раннут М. Исторический аспект статуса языка (на материале эстонского языка): Препринт ИЯЛ–52. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук. – Таллин, 1988.– 36 с.
28. Viikberg J. Vanematest eesti asundustest Siberis // Keel ja kirjandus. – 1988. – № 5. – Lk. 284–288.
29. Viikberg J. Koodivahetus ja Siberi eestlased. Lahtekohti // Keel ja kirjandus. – 1989. – № 4. – Lk. 202–205.
30. Viikberg J., Vaba L. Siberi põhjaeestlasi kõnetamas // Keel ja kirjandus. – 1984. – № 3. – Lk. 145–156; № 4. – Lk. 210–223.
31. Kulu H. Eestlased maailmas. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest. – Tartu, 1992. – 155 lk.
32. Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. – Новосибирск, 1994. – 164 с.
33. Колоткин М.Н. Латгальские поселенцы в Сибири. – Новосибирск, 1994. – 67 с.
34. Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М.: Изд-во Института антропологии и этнологии РАН, 1996. – 256 с.
35. Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. – 182 с.
36. Майничева А.Ю. Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. научно-практ. конф. – Вып. 4. – Барнаул: Изд-во Барнаульского педуниверситета, 2001. – С. 80–83.
37. Майничева А.Ю. Питание белорусов, греков и эстонцев Верхнего Приобья в первой половине XX в. // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 99–111.
38. Майничева А.Ю. Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Диаспоры. – М., 2002. – № 3. – С. 153–164.
39. Свитнев А.Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002. – 281 с.
40. Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.). Дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 223 с.
41. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Приспособление жилища поздних переселенцев в Западной Сибири к природно-климатическим условиям как фактор этнокультурной адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001 – С. 525–528.
42. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: история изучения // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – С. 119–135.
43. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Языковая адаптация неславянских переселенцев в иноэтничной языковой среде Западной Сибири // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 53–71.
44. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 272 с.
45. Jürgenson A. Emakeele osast Siberi eestlaste etnilises identiteedes // Eesti kultuur võõrsil. Loode-Venemaa ja Siberi asundused. – Tartu, 1998. – Lk. 126–140.
46. Kulu H. Eestlaste tagasirgnne 1940–1989. Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. – Helsinki, 1997. – 278 lk.
47. Korb A., Peebo K. Eesti asundused I. Siin Siberi maa peal kasvanud. – Tartu, 1995 – 206 lk.
48. Korb A. Eesti asundused II. Ei oska rääkimise möödi kõnelda. – Tartu, 1996 – 254 lk.
49. Korb A. Eesti asundused III. Seitse küla Siberis. – Tartu, 1998. – 322 lk.
50. Korb A. Eesti asundused IV. Taaru-tagused ja stepiasukad. – Tartu, 1999. – 379 lk.